

Альманах "Рыболов- спортсмен"

№05 1955

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 796
ББК 75.5
А57

А57 Альманах "Рыболов-спортсмен": №05 1955 / – М.: Книга по Требованию, 2022. – 350 с.

ISBN 978-5-519-18517-2

Сборники художественных рассказов и хроник о рыбной ловле, а также советы по изготовлению снастей. Прекрасная возможность окунуться в атмосферу природы и быта той страны, в которой многие из нас родились и выросли.

Очередной выпуск альманаха содержит очерки о рыбной ловле, статьи учёных-ихтиологов, рыболовов-практиков и журналистов об актуальных проблемах, опыте мастеров и новинках рыболовного спорта...

ISBN 978-5-519-18517-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

рассказы и очерки

П. Филимонов

ЕДИНСТВЕННОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Это рассказ о том, как многоопытный рыболов Борис Федорович Левицкий за целый день не поймал ни одной рыбы.

Покажется странным, но, несмотря на такой плачевный результат, знакомые хвалили его, горячо пожимали руку, называли молодцом и настоящим рыболовом. А один сослуживец Левицкого, некто Макаренко, рьяный любитель, который всегда тяжело переживал рыбацкие неудачи, искренне сказал:

— Мне жаль, Борис Федорович, что я не был на вашем месте.

И уж если такой рыболов, как Макаренко, готов был поставить себя на место верпущегося «пустым» Левицкого, значит, Борис Федорович действительно совершил что-то необыкновенное.

Прежде чем объяснить, почему Левицкий ничего не поймал в тот день, обращаем внимание на то, что августовское воскресенье, о котором мы рассказываем, было единственным за лето, когда Борису Федоровичу удалось вырваться на рыбалку. Дело в том, что он работал ведущим конструктором крупного завода и в горячую пору рождения своего технического детища даже в выходные дни сидел над чертежами. О степени занятости Бориса Федоровича можно судить хотя бы по тому, что сугубо ответственное дело — осмотр и подготовку снасти, добывание червей, поджаривание льняного семени и прочие хлопоты по подготовке к рыбалке ему с опаской пришлось передоверить шестнадцатилетней дочери.

...Село, где Борис Федорович сошел с автобуса, находится в тридцати километрах от города. До озера отсюда еще десять километров. Лесными тропами, пролысинами среди кустарников, потом по степной целине Борис Федорович отшагал это расстояние за два часа.

«Ну, тут я отыграюсь за весь год», — думал Левицкий, выбирая удобную засидку и на ходу сбрасывая сумку.

Надежды на улов были обоснованы. Эти озера он знал хорошо. Глухие, редко посещаемые, они были богаты рыбой, и Борис Федорович всегда возвращался отсюда с хорошим уловом.

Быстро разостлана старенькая плащ-палатка, разобраны и уложены в тень свертки, наживлен на крючок червь, красно-синяя пробочка прыгнула в воду и пристроилась возле широких кожистых листьев кувшинки.

Борис Федорович не успел протянуть руку за второй удочкой, как неподалеку что-то приглушенно загремело. Серебряным фейерверком брызнула над водой перепуганная рыба молодь. Одна из рыбешек упала на лист кувшинки, запрыгала, тщетно стараясь добраться до края, и замерла.

Борис Федорович невольно глянул вверх. Небо было чистое. Да и звук не похож на раскатистое урчание грома.

«Что же это может быть? Взрыв? Все возможно, — подумал Левицкий. — Здешние места были полем жарких сражений с гитлеровцами. Не дождалась ли своего часа затаившаяся и не замеченная саперами мина?»

Левицкий вскочил и напрямик, продираясь через чащобу кустарника, цепляясь одеждой за репейник, побежал на звук.

Метрах в двухстах внезапно появилось похожее на вправленное в широкую зеленую раму продолговатое зеркало озера. На надувной резиновой лодке по озеру плавал человек в трусах, подбывая сачком всплывшую глушеную рыбу. Трое его товарищей, стоя на высокой стороне берега, кричали и жестикулировали, наперебой указывая туда, где виднелось белое рыбе брюхо:

— Давай прямо, Вова! Дальше, дальше...

— Брось, не возись с маленькой! Загребай левее, там крупная всплыла!

— Бери скорее! А то оживет и уйдет!

Поодаль, укрытая от солнца тенью дерева, стояла синяя «Победа». На капоте лежали «орудия лова».

Борис Федорович решительно шагнул вперед. Удушающая волна гнева захлестнула сердце, прилила к лицу.

— Что вы делаете? Зачем рыбу губите? Предъявите ваши документы!

В первый момент браконьеры опешили и замолчали, не зная, как поступить. Раньше других опомнился долговязый лысый детина в пенсне с квадратными стеклами. Маленькими глазками-пуговками, почти сошедшимися на переносице, он воровски обшарил Левицкого и грубо спросил:

— А ты что за птица? Откуда такой взялся?

— Не имеет значения, кто я. Просто советский человек.

Выбрался на берег четвертый соучастник. Подкрепление придало браконьерам смелости. Борис Федорович все больше горячился:

— Не стыдно ли вам так по-варварски поступать? Разве вы не знаете, что глушить и травить рыбу запрещено законом!

— Нечего поучать, ученые...

В спор вмешался багроволицый толстяк в серой соломенной шляпе, судя по всему,— главный в компании. Он взял примиряющий тон:

— Видите ли, дорогой товарищ, мы люди ответственные, занятые. Нам недосуг ожидать, пока рыбка соизволит клянуть. Ничего особенного не случилось, и вы напрасно кипятитесь. А рыбы на всех хватит, в данном случае и вам...

— Во-первых, я преступникам не товарищ,— перебил Борис Федорович, во-вторых, я вижу, на истребление тысяч мальков у вас времени и ума хватило.

Левицкий показал на озеро. Масса издохших рыбешек усеяла воду.

Борис Федорович вспомнил, как бежал сюда, думая помочь попавшему в беду человеку. Теперь он готов был избить самоуверенных наглых браконьеров.

— Давайте документы,— наступал он на толстяка.

— Вот документ, извольте,— огрызнулась соломенная шляпа, протягивая сжатый кулак с торчащим кончиком большого пальца.

Яркий галстук толстяка затрепыхал на колыхающемся от смеха выпяченном животе. Окружающие угодливо подхихикнули.

Не в состоянии больше сдерживаться, Левицкий рванулся к толстяку, но три пары рук схватили его. Молчавший до сих пор человек в трусах угрожающе задышал перегаром в лицо:

— Ты, милый, не купался сегодня? Можем искупать. День предстоит жаркий, окунуться одно удовольствие...

— Сразу подсчитаешь дохлую рыбешку. Тысяча там или больше,— добавил низкорослый, коренастый, судя по комбинезону,— шофер.

Резким движением Борис Федорович вырвался и пошел к машине посмотреть на номер. Но жестяная бляха с цифрами, вероятно умышленно, была перемазана черным месивом земли. Левицкий отломил ветку вербы, намереваясь счистить грязь, но шофер загородил дорогу:

— Тише. Без пожара.

Он выразительно помахал увесистой заводной ручкой. Силы были явно неравными. Левицкий подумал и зашагал прочь, буркнув через плечо:

— Жаль, тороплюсь на хутор. Если бы меня не дожидался больной отец, отучил бы я вас рыбу глушить.

— Так-то лучше! Скатертью дорога,— издевательски расшар-

кался шофер.— Может, рыбки отпустить для больного? Так сказать, диетическое питание...

Вернувшись к удочкам, Борис Федорович наскоро связал их и почти бегом направился обратно в село. Неподатливые стебли густой травы путали, тормозили шаг, нещадно жгло солнце. Отвыкнув от таких форсированных маршей, Левицкий скоро устал, лицо усыпал блестящий бисер пота. Но, преодолевая желание остановиться и отдохнуть, он продолжал идти. Беспокоила мысль: «Поверят ли моей хитрости, не сбегут?»

В сельсовете никого не оказалось. У запертой двери на ступеньках крыльца девчата щелкали семечки.

— Где найти председателя сельсовета?

— Идите прямо по шоссе в самый край села. Там и увидите его хату под зеленым железом.

Легко сказать — в край села! Село-то растянулось на три километра.

...На стук вышла женщина и сообщила:

— Нема председателя, вин у батькив.

Оказалось, родители председателя живут в другом конце села. Борис Федорович зашагал обратно.

Нужный дом отыскался легко. Левицкий не стал заходить в него, боясь пропустить машину браконьеров, и заглянул во двор с дороги. В тени яблони, сидя на детских плетеных стульчиках, мужчина в сером костюме и подросток играли в шахматы.

— Председатель сельсовета здесь?

Играющие оглянулись. Мужчина сделал приглашающий жест.

— Это я. Заходите.

— Не могу. Прошу выйти сюда.

Выслушав рассказ Левицкого, председатель крикнул мальчику:

— Ивась! Живо слетай к Гавриленко, пусть к сельсовету выйдет, мы его там ждать будем. Без милиции нам не обойтись.

Когда пришел сельский милиционер, положение обсудили и решили не идти на озеро.

— Зря прогуляемся,— сказал председатель. — Озер много: мы туда — они сюда. Разминемся — и улизнут злодеи. Лучше выйдем за село к шлагбауму, там и задержим. Раз машина из города, другой дороги нет.

Пришло Борису Федоровичу в третий раз пройти через все село. Ноги налились тяжелой усталостью. «Шутка ли сразу столько отшагать. Никак не меньше двадцати километров»,— думал он, стараясь не отставать от спутников.

У будки шлагбаума удалось отдохнуть: машина не появлялась. Борис Федорович с наслаждением вытянулся на обочине недалеко от будки. Беседовали о браконьерстве, о жадности и несознательности некоторых людей.

— И почему не каждый понимает красоту природы? — пожимал плечами автоинспектор. — Человеку леса и реки служат,

птицей, рыбой сердце веселят. А браконьер того не ценит — глушит, травит...

— Законы наши по таким делам слабоваты. Чем нарушитель рискует? Удочки или, скажем, сетку отберут, оштрафуют. Да и то если на месте поймают с большим количеством рыбы, — со вздохом сказал милиционер.

— Мало, — пожалел инспектор. — Я бы судил, как за расхищение социалистической собственности. Со всей строгостью. Оно же так и есть: природные наши угодья — это государственное достояние.

На шоссе показалась синяя «Победа». Опустилась перекладина шлагбаума. Инспектор потребовал у шофера путевку, милиционер открыл заднюю дверцу.

— Прошу предъявить документы.

— Что за причина? Зачем? — взъерошенно запротестовал толстяк в соломенной шляпе.

— Намерены познакомиться с теми, кто по-разбойничьи уничтожает рыбу, — спокойно отрезал председатель сельсовета.

— Какую рыбу? Что вы мелете.

— Вот эту самую, — Борис Федорович откинул коврик, которым был накрыт большой оцинкованный бак, доверху наполненный линиями, карасями, щуками, красноперкой.

— Ну и что? Рыбу мы в деревне купили, — будто не узнав Левицкого, соврал толстяк.

— Очень хорошо! Я подъеду с вами, и вы покажете, у кого куплена рыба, — сказал Гавриленко, делая вид, что собирается сесть в машину.

Наступило замешательство. Толстяк не знал, что ответить. В разговор вступил четвертый пассажир.

— Допустим, рыбу мы поймали в озерах.

— В таком случае покажите, чем вы ловили.

Браконьеры переглянулись. В машине никаких рыболовных снастей не было. Тогда толстяк повысил тон, решив взять напором:

— Да, мы действительно немного поглушили рыбу. Только лишь в одном озерце бросили маленькую бутылочку. Не вижу в этом преступления. Тем более для меня. Впрочем, я забыл вам представиться. Я — Кравчук. Вот мое удостоверение.

Заметив, что его фамилия не произвела того впечатления, на которое он рассчитывал, Кравчук назвал занимаемую им должность, стал перечислять свои заслуги, указывать на влиятельных знакомых...

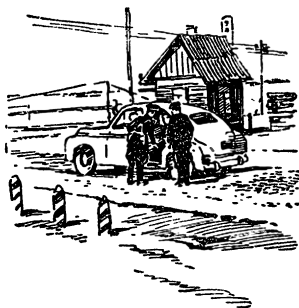
— Это они — ваши влиятельные знакомые? — милиционер, иронически улыбнувшись, кивнул на спутников толстяка.

— Нет. Это просто мои сослуживцы из министерства.

Когда акт был составлен, милиционер с инспектором выгрузили конфискованную рыбу и отпустили машину. В сельской чайной, куда передали «улов» браконьеров, выяснилось, что злоумышленники наглушили около 50 килограммов рыбы.

...На следующий день сотрудники Бориса Федоровича поинтересовались, удачно ли съездил он на рыбалку:

- Поймали?
- Поймал.
- Много?
- Четырех хищников.
- Крупных?
- Судя по их служебному положению, довольно крупных,— засмеялся Левицкий и рассказал, как он провел единственное свободное воскресенье.

Хрис. Херсонский

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЮНОСТИ

Ветер подталкивал их в спину. Идти легко. Но заманчивая легкость движения была предательской. Ступни скользили по льду, и чтобы удержаться на ногах, приходилось быстро переступать, семенить мелкими шажками. И порой, как на бегу, невозможно было сразу остановиться. А чем дальше от берега, тем больше грозила на каждом шагу непоправимая беда.

Перейти Волгу они решились в этом году одними из первых.

Разгоряченное мальчишеским азартом, сердце у Григория Матвеевича громко стучало... Опасность была действительно немалой. Она неотступно подстерегала рядом... Еще одно движение ног, может быть, полшага — и всему конец...

Река в одну из предыдущих ночей дружно встала, как говорят здесь, «резцом»: без ветра и без снега. Гладкое и ничем еще не замутненное стекло молодого ледка, казалось, не имеет толщины. Впечатление такое, что ступаешь по неведомому, призрачному мосту над черной бездной. Вот-вот бездна разверзнется и поглотит тебя. Неразличимый ледок и сам кажется черным, настолько он бестелесен и прозрачен.

Через каждые три-четыре шага путники легонько ударяли перед собой остриями пешен. Из дырки булькала вода, и во все стороны разбегались серебряные трещинки, — ими лед выдавал свое присутствие.

Никогда позже лед не бывает так прозрачен, а река вблизи так таинственно черна, как в первые дни ледостава. Что кроется там, в мрачных потемках, в двенадцатиметровой толще воды?

Начавшийся ветер поднял с берегов и несет над рекой сухую порошу. Снежная крупа то кружится быстрой стайкой, то густым дымом льнет к ледяной груди Волги.

Путников так и тянет свернуть на белые поляны, где снежинки начинают примерзать к слегка влажному льду, как будто вспотевшему под лучами невидимого солнца. Инстинкт человека, привыкшего ходить по земле, подсказывает, что под снегом нога должна найти более или менее прочную опору. Обманчивые надежды! Согретый снежным покровом, лед может оказаться слишком тонким. Наступишь на хрустящую корочку и ухнешь в прорву. Ведь еще вчера на стрежне Волги, где течение посильнее, виднелись открытые полыньи.

В рюкзаке за спиной у Григория Матвеевича моток длинной бечевы на случай, если придется вытаскивать людей из воды. Следовало бы взяться вдвоем за бечеву и разойтись как можно дальше друг от друга. Но Григорию Матвеевичу не хочется в глазах спутника, которого он видит впервые, показаться трусом. Что это? Безрассудная мальчишеская стыдливость? Может быть... «Достаточно того, что мы идем не ближе чем в семи-восьми шагах один от другого и не создаем большого давления на лед», — думает он.

Путь не близок. Волга, подпертая снизу Рыбинским морем, разлилась здесь в ширину на добрых полкилометра. Да к тому же они взяли путь наискось, вниз от устья речушки Приги до устья Каменки на том берегу. Так ближе к цели.

Ветер, гуляя между наметенными за ночь курящимися легкими покровами снега и подозрительно бугристыми желтоватыми наледями, проложил широкую чистую полосу. По ней они и шагают.

Григорий Матвеевич оглянулся на оставленный берег. Позади уже больше полдороги, — стало быть, вышли на тихое течение. Впереди мели. Лед тут безопасней. Теперь можно отдаться воспоминаниям...

Осенью 1915 года, тридцать восемь зим назад, Волга против Самары встала также «резцом» — внезапно, в одну ночь. Под городом, вверх к Жигулевским воротам и вниз, насколько хватало глаз, раскинулась небывалая, неправдоподобная гладь чистого льда. Мороз схватил реку при полном безветрии и ясном небе. Утром взошло солнце, ударили по льду потоки света. Но мороз не сдавался, делался злее, и лед устоял. Привязав коньки, Гриша робко, неуверенно спустился на реку. Но едва только возле самого берега он пробежал без помехи два, три круга, возвращаясь каждый раз к спасительным камням, как его охватило необычное состояние.

«Бывают в жизни человека минуты такого душевного подъема, — вспоминал с удивительной ясностью Григорий Матвеевич. — Не-